

Мас. { 111
26913

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО.

Русская литература за 1898 годъ.

Этотъ нѣсколько запоздалый обзоръ прошлогодней литературы мнѣ, къ сожалѣнію, приходится начать обычной жалобой на то, что минувшій годъ не принесъ нашей литературѣ ни одного изъ тѣхъ произведеній, которыми суждено долго жить въ искусствѣ и о которыхъ говорятъ, что они являются не каждый годъ. Все, что впервые появилось въ печати въ прошломъ году, въ области публицистики, романа и поэзіи, можетъ быть отнесено къ «мимолетному». Къ этой жалобѣ, утратившей, вслѣдствіе частаго повторенія, свою остроту, слѣдуетъ прибавить еще другое, столь же печальное свойство, сѣтованіе на то, что произведенія старой школы (въ отличіе отъ новой, символической) становятся у насъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе тенденціозными, такъ что на статью или повесть, свободную отъ всякой тенденціи, народнической или марксистской, а просто талантливую и человѣчную, приходится смотрѣть, какъ на отродное исключеніе. Такихъ отродныхъ исключеній показались мнѣ нѣсколько напечатанныхъ въ «Русской Мысли» маленькихъ рассказовъ г. Чехова, изъ которыхъ особенно хорошъ «Человѣкъ въ футлярѣ». Въ двухъ остальныхъ — «Крыжовникъ» и «Любовь» — чувствуется легкая усталость автора, какая-то дѣланная простота языка и нѣкоторая, какъ-бы преждевременная маститость.

За исключеніемъ рассказовъ г. Чехова, все наиболѣе значительное въ области публицистики и романа было пронинунто рѣзкой тенденціей и посвящено все тому же старому спору между народниками и марксистами не о прошлыхъ, но о будущихъ судьбахъ русскаго народа, спору между деревней и городомъ, землемъ и фабрикой. Народничество, въ лицѣ своихъ талантливейшихъ представителей, договорилось до «внѣдренія нителлигенціи въ народную массу», до полного отрицанія нашего искусства, нашей науки и, вообще, всей нашей культуры. Среди народническихъ произведеній на первомъ мѣстѣ безспорно слѣдуетъ поставить книгу графа Толстого объ искусствѣ, рѣзкую, жестокую, несправедливую, но замѣчательную, какъ заключительный выводъ дѣльного и своеобразнаго міросозерцанія. Въ этой книгѣ Толстой приноситъ молоду народолюбия послѣднюю жертву — все наше искусство и, между прочимъ, все свое прошлое, какъ культурнаго художника, и признаетъ пьяную нѣсию бабъ «варзительнѣ» и, слѣдовательно, художественнѣ музыки Бетховена, а народные побасенки и прибаутки выше поэзіи Данте и Гете. Такіе послѣдніе выводы уже хороши тѣмъ, что отбиваютъ охоту спорить съ ними. Очевидно лишь одно: Богъ, создавшій человечество, какинъ оно есть, думалъ объ искусствѣ не такъ, какъ Толстой. Въ этой мысли для меня большое утѣшеніе.

Тому же проповѣдью опроченія и отреченія отъ культуры были проникнуты жившіе

(черный справа, наклонившаяся фигура), такъ, а значительный успѣхъ два сборника публицистическихъ статей г. Меньшикова: «Думы о счастьи» и «О писательствѣ». Достоинство и недостатокъ г. Меньшикова въ томъ, что всѣ его идеи цѣликомъ взяты у Толстого и только слегка имъ разбавлены и подслащены.

Въ области беллетристики наиболѣе значительнымъ романомъ въ истекшемъ году слѣдуетъ признать «Тягу» г. Боборыкина. Въ романѣ этомъ, тенденціозномъ и злободневномъ, рисуетъ столкновеніе двухъ житейскихъ укладовъ — деревенскаго и фабричнаго — причемъ симпатіи г. Боборыкина остаются, кажется, на сторонѣ деревни. Представитель фабричныхъ идеаловъ Аптонъ Меньшовъ, отбившійся отъ берега народнаго и не приставшій къ истинной культурѣ, оказывается черствымъ эгоистомъ, одиночникомъ и лишнимъ человѣкомъ, которому одинъ исходъ — самоубійство. Между тѣмъ представитель деревни — Иванъ Спиридоновъ — доведенный несчастнымъ бракомъ до пьянства и отчаянія, находитъ въ себѣ внутреннюю силу для возрожденія и этой силой являются отцовская вѣра и неизмѣнная любовь къ землѣ. Онъ бросаетъ выгодное положеніе на фабрикѣ и переселяется въ деревню. Такимъ образомъ, въ романѣ г. Боборыкина изображены не одна, а двѣ тяги — тяга деревни на фабрику за заработкомъ и самостоятельностью и, наоборотъ, тяга фабричныхъ въ деревню за идеаломъ. По свѣжести красокъ и множеству бытовыхъ наблюденій это одинъ изъ лучшихъ романовъ г. Боборыкина.

Въ другомъ большомъ тенденціозномъ романѣ, печатавшемся въ прошломъ году, — въ «Возвратѣ» г. Лугового намѣренія автора скрыты далеко не такъ искусно, какъ въ произведеніи многоопытнаго г. Боборыкина. Симпатіи г. Лугового всецѣло принадлежатъ городу и городской культурѣ, и автору нельзя было-бы не сочувствовать, если-бы въ его романѣ было поменьше разсужденій и побольше красокъ.

Два писателя, впервые выступившихъ въ прошломъ году со сборниками рассказовъ и сразу обратившихъ на себя всеобщее вниманіе — гг. Горькій и Вересаевъ — по части тенденціи не уступаютъ никому изъ своихъ старшихъ собратьевъ. Талантомъ они одарены далеко не въ равной мѣрѣ и пальма первенства должна быть безспорно отдана г. Горькому, который по силѣ изобразительности, по богатству языка кажется вполне законченнымъ и крупнымъ художникомъ, но оба они одинаково заняты сопоставленіемъ города и деревни. Г. Горькій сравниваетъ представителей земли даже не съ городомъ, а съ отребьями городского населенія, съ босиками и волоторотцами и, все-таки, отдаетъ предпочтеніе послѣднимъ. Тенденціи г. Горькаго — самыя еретическія и нитцшеанскія. Онъ проповѣдуетъ безусловный индивидуализмъ, полное освобожденіе личности отъ законовъ добра и зла и эти идеи утонченнѣйшей, западной культуры ухитряется воплотить въ представителяхъ преступнаго типа, въ «двигателяхъ цивилизаціи», въ бродягахъ, ворахъ и убійцахъ. Поэтому впечатлѣніе отъ рассказовъ г. Горькаго получается самое отродное. По замыслу они красивы и глубоки.

Н. Минский.